

прошли с наименьшими затратами и дали необходимые нам результаты. Этими результатами должен стать более высокий, нежели в лучшие для нашего образования времена уровень. Формализмом же и компанейщиной ситуацию в высшем образовании не исправить, её можно лишь усугубить. Ломка системы или её кардинальные изменения, пусть даже формальные, связанные, например, с введением в её структуру ступеней бакалавра и магистра, предусматривающих введение новых учебных планов и программ, перестройку учебного процесса, перераспределение учебной нагрузки преподавателей и студентов, пересмотр структуры должностей на производстве, в соответствии с вводимыми степенями, изменение сложившихся стереотипов в обществе и другие, связанные с этим нововведением вопросы, связаны не только с большими издержками, большими затратами труда, но и сомнительными результатами.

Литература

1. Андреев В.И. Основы педагогики высшей школы. – Мн.: РИВШ, 2005.
2. Запесоцкий А.С. Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности. // Педагогика. – 2002. - №2
3. Концепция модернизации Российского образования на период до 2010 года (Утверждена распоряжением правительства от 29.12.2001). // Дидакт. – 2002. - № 3,4.
4. Кусжанова А.Ж. Государство и образование. – <http://www.library.by/portalus/modules/philosophy/>
5. Луцаев В.И. Содержательные аспекты построения системы воспитания в учебном заведении. // Майстерства. – 2003. - №1. –с. 50-52.
6. Сергеев О. О современной модели системы образования. // Общество и экономика. – 2004. - №7/8. – с. 303-311.

КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Даля Эйдуkene

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, г. Вильнюс, Литва

Впервые о кризисе демократии в литовском обществе, хотя и в форме риторического вопроса, заявил Президент Литвы Валдас Адамкус в своем годичном Докладе 2005 г.: «Ни приближаемся ли мы к олигархическому управлению, к модели государства с влиятельной группой олигархов и большим, но легко манипулируемым классом нищих, полностью отдавшимся фатализму и не принимая никаких волевых решений?» Социальное психологическое самочувствие большинства людей Президент охарактеризовал как «разочарование публичной жизнью», при этом, подчеркнув, что «немалая часть людей свою жизнь и жизнь своих детей уже не связывают с Литвой» [1]. Из этого заявления можно сделать вывод о том, что Литва пятнадцать лет торопилась в демократию, а пришла к олигархическому, т. е. антидемократическому управлению. Сегодня уже многим стало ясно, что «экспорт» и «импорт» демократии в принципе возможен, но механическое использование чужого политического опыта только дискредитируют демократию. Более того, стало очевидным, что чрезвычайно сложно удастся ухаживать за молодым «растением» народного самоуправления. Оказалось что оно и «нерайонированное», и садовник плох, и климатические условия не совсем подходящие, да и свобода, согласно крылатому афоризму Н. Бердяева, аристократична, она нужна не каждому. Словом, ясно одно – современная демократия в Литве переживает кризис.

Реакция общества на этот феномен разная. Большинство политиков, политологов и ученых обходит стороной данную проблему, потому что мешают стереотипы мышления, в том числе и тот, что после восстановления суверенитета стало привычным смотреть на демократию как на «священную корову». Даже в годичном Докладе Президента в этом году тема угроз демократии и вовсе исчезла. Но кризис демократии не является чисто литовским «изобретением» и у нас он проявляется как часть глобального кризиса через диалектику «общего» и «особенного». Сегодня все чаще говорят и пишут, что симптомы кризиса демократии обнаруживаются не только в странах постсоветского пространства, где демократия сделала лишь первые шаги, но, говоря словами крупнейшего американского социолога, автора фундаментальных работ о демократии Роберта Даля, «даже в странах с давними и глубоко укорененными демократическими традициями», где «демократия, по мнению многих наблюдателей, переживает кризис или, по крайней мере, понесла значительный ущерб...» [2].

Новый кризис демократии прослеживается уже на концептуально-теоретическом уровне. Именно здесь, по моему мнению, кроются основополагающие причины, не позволяющие демократии двигаться вперед и ведущие к ее угасанию. В первую очередь, сказывается опять же стереотипное мышление: мы на фоне восхвалений демократии экономически развитыми странами воспринимаем демократию как панацею от всех бед, критиковать «святое», безошибочное – значит, прославится «недочкой». Но молчать или замалчивать острые проблемы общественного развития, равнозначно загонять болезнь во внутрь, тем более что общество уже не «заражено», как это было совсем недавно, а тяжело больно тем, что все еще называют демократией. Ясно одно, что мир явно изменился, а вместе с ним изменилась и Литва. Но мы еще не имеем осмысленной картины этого изменившегося мира, а на национальном уровне за бесконечными вопросами каждодневной политики «что делать?» и «кто виноват?» ускользающими стали более глубокие вопросы «почему это происходит?» и «какие причины, смысл и последствия этого может быть глобального процесса?» Потому следует заново переосмыслить соотношение демократии и либерализма и еще раз вникнуть в основополагающий контекст современной системной трансформации общества – свободу, как исходный постулат демократических процессов.

Уже на понятийном уровне можно обнаружить некоторое несоответствие – число публикаций, в том числе научных, посвященных феномену демократии, неуклонно растет. А между тем содержание и смысл этого понятия становятся все более туманным. «Демократия, - пишет один из видных исследователей Аренд Лейпхарт, - это понятие, которое решительно не поддается определению» [3]. «В настоящее время слово «демократия» без предшествующего определения в большинстве случаев оказывается обманчивым» [4], - заявляет Матей Доган из французского Национального центра научных исследований.

Подобного рода разногласия связана в немалой степени со смысловой перегрузкой понятия «демократия». Политические, социальные и экономические успехи наиболее развитых демократических стран привели к тому, что демократия стала неоправданно отождествляться со свободой, благосостоянием, справедливостью, «хорошим правлением» и т. д., то есть рассматриваться как синоним блага, ключ к процветанию страны. В итоге понятие демократии утратило свой истинный смысл и стало, по словам американского политолога Фариды Закарии, «аналитически бесполезным» [5].

Сегодня, говоря о кризисе демократии на концептуально-теоретическом уровне, нельзя обойти своим вниманием тему соотношения демократии и либерализма. Эта проблема важна по той простой причине, что возрождение демократии в Европе связано со становлением капитализма, испытывавшего по мере своего развития все более настоятельную потребность в демократии, как форме и способе организации и поддержания властных отношений, адекватных духу и принципам либерализма *laissez passer, laissez faire*. Либерализм для демократии оказался в роли идейного спутника и компаса, историческая миссия которого – высоко держать знамя свободы, чтобы общество и государство не соскальзывало с пути демократических преобразований. Сегодня в странах «молодой демократии» понятия «либерализация» и «демократизация» произносятся как синонимы, не задумываясь, на сколько обусловлена такая эквивалентность. Хотя на практике господствующей либеральной идеологии – свобода больше культивируется не в сторону расширения прав человека, сколько на рост потребностей капитала. Она ограничена экономической силой, т. е. размерами управляемого личного капитала. Таким образом, создается некоторое несоответствие между либерализмом декларируемых уже упомянутых принципов и идеологией свободы личности, которая ограничивается лишь провозглашением юридической, т. е. формальной свободы. «Здесь либерализм производит переименование понятий – достижение свободы он меняет на достижение капитала». «Свобода перестает существовать рядом с капиталом и без капитала». [6]. Сама по себе она теряет смысл и реальность. Значит, свобода в нашем обществе в какой-то мере желаемая, но не существующая ценность, требующая сбалансировать права и свободы индивида не с его культурной активностью, а с объемом капитала, управляемым им. Так разрушается миф абстрактной или чистой свободы, потому что свобода – это возможность человека воплотить интересы своего бытия. Но поскольку их воплощение находится в прямой зависимости с объемом личного капитала, то именно капитал и становится настоящей реальностью свободы. С этого момента, когда беспредельная свобода становится для одних свободой, а для других несвободой, начинается расставание либерализма с демократией и определяется кризис либерализма.

Это объясняется тем, что хотя классический либерализм в современном мире раскритикован и ему созданы альтернативы, на практике, особенно в странах, переживающих первую стадию накопления капитала, к которым принадлежит и Литва, эта идеология достаточно жива. Так что, сегодня уместно говорить не только о кризисе демократии, но и о кризисе либерализма. Эта тема не нова. Ведь еще о кризисе либерализма говорил Макс Вебер, который в конце XIX столетия констатировал смерть фанатического немецкого «национального либерализма» отцовского поколения, потому что он так и не привился на почве Германии и остался лишь академической доктриной. Позже это явление Вебер назвал «эволюцией понимания буржуазной добродетели» [7]. По его мнению, тема «смерти» либерализма имеет несколько измерений – специфический, общий, политический и культурный. Все они фокусировались в отношении к социальному вопросу, которого существования либералы старого поколения просто не признавали. Вебер считал, что такая ситуация будет продолжаться довольно долго, потому что сфера деятельности либералов будет ограничена до тех пор, «пока в авансцене остаются экономические и социальные вопросы» [8].

* М. Вебер был старшим сыном известного члена Национальной партии либералов Германии.

Таким образом, по мнению Вебера, будущему либерализма, как политической программе и культурной силе, угрожают неоспоримые опасности. «Либералы не имеют политической сообразительности. Они полны атавистических либеральных демократических надежд». Но, говоря об особенной ситуации своей эпохи, он подчеркивал, что либералы его поколения «сталкиваются с совершенно иными задачами, чем их отцы». Они во многом переросли либерализм старшего поколения и «бурный энтузиазм идеализма» стал невозможным, потому, что мы «яснее понимаем прозрачные закономерности социальной жизни» [7].

Здесь уместно также вспомнить и немецкого доктора права, социолога и экономиста Лоренца фон Штейна (*Lorenz von Stein*) (1815-1890), который, стоя у истоков германского либерализма, заявил, что «оптимизм Ф. Кенэ и А. Смита, их вложенные большие надежды в социальные последствия свободы, не оправдали себя. На исторической авансцене по-прежнему остаются нерешенными экономические и социальные вопросы, а экономическая свобода не только гарантирует фактическую свободу личности, но может приобрести и обратный смысл». По мнению Штейна, формируется в новой эпохе новая проблема, которую он называет «социальным вопросом» [9], стержень которого он видит в нерешенной проблеме собственности.

Мне кажется, что сказанное Штейном и Вебером о либерализме на заре капитализма актуально и сегодня. «Социальный вопрос» никуда не исчез. Качество жизни изменилось, но проблема осталась. Она изменила свой внешний вид и имплицитивно таит в устоях нашей жизни. Об этом свидетельствует факт разделения общества Литвы на две части – социально значимый и социально незначимый. У первого, немногочисленного, есть все – собственность в виде капитала и недвижимости, а также возможности свободного как социального, так и политического маневра, гарантированного правовым государством. Второй – многочисленный, реально не имеющий или имеющий незначительную собственность и владеющий формальным правом владеть и стать социально значимым, но только экономическими средствами.

О том, что сегодня нельзя не заметить раскола на две Литвы и из этого возникающего разочарования писал в начале прошлого года европарламентарий, член фракции Социалистов Ю. В. Палецкис: «пятнадцать лет торопились из командной экономики, иногда сломя голову, в достаточно хаотичный свободный рынок. Но мирная революция пятнадцать лет назад пела о социальной справедливости. Если не сумели услышать этого раньше, то сейчас это сделать – самое время» [10].

В этом году ведущая экономическая газета Литвы «Вярсло жинес» в статье под заголовком «Углубляющаяся пропасть угрожает политическими потрясениями» замечает, что число людей, живущих ниже относительного уровня нищеты, росло. В 2005 г. ниже этого уровня (который составляет 363 лита в месяц) жили около 577 тысяч людей. На 25 тысяч больше чем в 2004 г. Социальная дифференциация между богатыми и нищими выросла в 8,4 раза [11].

Указанные факты воочию подтверждают о существовании в обществе так называемого социального вопроса, который, в свою очередь, является лакмусовой бумажкой кризиса демократии. Но в нашем государстве проблема нищеты представительной властью в «лучших традициях» либерализма не связывается с существованием «социального вопроса», а существование последнего просто замалчивается. Рост нищеты для наших властей ни более чем дело статистики. Хотя

социальное напряжение пока в обществе Литвы скрыто (внешне ее снижает большая эмиграция, которая является формой протеста против существующего порядка), данная проблема вообще вычеркнута из распорядка дня наших политиков, хотя Правительство формально и декларирует политику социальной ориентации.

Примечательный факт, что в прошлогоднем отчете Правительства Парламенту (в объеме 131 письменный лист) слово «нищета» упоминается семь раз, но в общем контексте с другими вопросами. Например, вопросе о помощи ЕС нищенствующей Африке и т. п. [11]. Словом, Правительство ведет себя в духе чистого либерализма. Оно просто игнорирует данную проблему. Игнорирует ее и Президент. В годичном своем докладе в прошлом году он предупреждал насчет существующих так называемых «островов нищеты» и недостатка «социальной справедливости и солидарности». В этом году же Президент в своем докладе уже не разу не произнес слова «нищета». Таким образом, «социальный вопрос» не является приоритетным для нашего государства. Этот факт является показателем того, что наши политики совершенно не понимают и не признают существования кризиса современной демократии. А, не выяснив и не поняв причин и сути этого кризиса, страна может быть вовлечена в социальную стихию, когда человек из цели становится средством.

Но не только в Литве характерна такая ситуация: когда мы говорим «демократия», подразумеваем «либерализм», а когда говорим «либерализм», подразумеваем «демократия». Более того, в некоторых современных теоретических трактовках преобладает мнение, что либерализм является спасителем демократии: «шанс на выживание и дальнейшее развитие дает демократии... современный либерализм» [12]; либеральные ценности все же имеют реальный шанс стать идейной платформой для объединения самых разных сил на политической арене России» [12]; «главной задачей современного ... общества является не «защита демократии», а утверждение либерализма как идеологии, политического течения и системы ценностей. Политические же формы либерализм может принимать самые различные, в том числе и либеральной демократии (вернее, демократии, ограниченной либерализмом)» [13].

С такими мнениями я не могу согласиться. Либерализм начинается демократическим движением, а заканчивает разводом с ним. Именно «это и помогает понять, что на основе либерализма может развиваться законное, правомерное государство, но не как государство социального компромисса или социальное, правовое» [6]. С либерализмом можно начать процесс демократизации по той причине, что либерализм является единственно возможным способом (неавторитарным) разрешения конфликта между обществом и государством в условиях догоняющей модернизации и потребности быстрой адаптации общества к новым условиям. Но поддержать на необходимом уровне процессы демократии в условиях все еще живой идеологии так называемого классического либерализма уже невозможно.

Мне кажется, что либерализм может быть только нейтральным перекрестком ценностей, из которого можно двигаться в любую сторону, но в соответствии с тем, какое содержание придадим свободе. В транзитологии (кризис которой также подтверждает кризис современной демократии, как на практическом, так и на концептуально-теоретическом уровне), по моему мнению, правильно сформулированные стадии перехода отдельных стран от недемократического состояния к демократическому. Это три последовательных стадии: либерализация недемократического режима, затем его демократизация и, наконец, консолидация. Смее утверждать, что после первого успешного этапа к двум другим демократии

придется двигаться с качественно обновленным либерализмом. Это должна быть эпоха социального либерализма, который должен соответствовать новым качествам демократии. Другими словами, постсоциалистические страны раньше или позже будут вынуждены двигаться, придав свободе и социальный контекст. На деле он означает поиск путей соединения двух фундаментальных ценностей человеческого бытия – свободы и социальности, потому что в очередной раз общественное развитие думающему человеку формулирует задание – найти такую форму общества, при которой была бы сохранена личная собственность, которая бы не стала помехой для развития абсолютной личности.

Этот вопрос всегда был связан с проблемой человека слабого в социальном смысле, т. е. не соответствующим в обществе установленным стандартам. Потому постлиберальная доктрина становится социально ответственной, но она никогда не мыслила себя выразителем интересов определенного общественного класса. Новая социальная доктрина должна демонстрировать не свою теоретическую солидарность, сколько свою политическую трезвость. Это критически рассуждающая теория, которая высказывается против любого неравенства. Социальная доктрина призвана создать качественно новую иерархию ценностей. Либерализм лучше всего формулирует – свободу и собственность. А социальной доктрине должно быть важным гарантированная собственность. Только при таком условии может быть гарантирована и свобода, и социальная справедливость, а демократия притом могла способствовать беспрепятственную конкуренцию различных социально-политических сил за свою долю власти. Таким образом, новая альтернатива должна стать новым контекстом политического мышления. Оптимизма на этом пути придает слова, сказанные много лет назад Джоном Дьюном: «Необходимо снова и снова изучать саму идею, сам смысл демократии. Демократию надо постоянно открывать и переоткрывать заново... Если демократия не движется вперед, если пытается остаться неизменной, она вступает на путь регресса, ведущий к ее угасанию» [14].

Литература

1. Баталов Э. Глобальный кризис демократии? // «Свободная мысль – XXI». М., № 2.
2. Волконогова О. Д. Либерализм и консерватизм в России: метаполитические размышления // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. М., 2001. № 5.
3. Цит. по: Э. Баталов. Глобальный кризис демократии? // «Свободная мысль – XXI». М., № 2.
4. Prezidentas [vardija tris didelius iššūkius, „Lietuvos rytas“. V., 2005 04 13.
5. Даль Р. О демократии. М., 2000.
6. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004.
7. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М., 1997.
8. Политическая наука: новые направления. Под ред. Р. Гусева и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999.
9. Цит. по: Lawrence A. Scaff. Veržiantis iš geležinio narvo. V., 1995. P. 16.
10. Adomaitis N. Gilėjanti praraja gresia politiniams sukrėtimais // „Verslo žinios“. V., 2006 04 25.
11. Jugebdtbriefe. Išleido Marianne Weber. Ein Lebensbild. – Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1926. S. 329.
12. Paleckis J. V. Taiki revoliucija dainavo apie socialinį teisingumą // „Vėidas“. V., 2005.
13. Stein L. Geschichte der sozialen Bewegungen in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. 1 Bd. Leipzig, 1850.
14. Vaišvila A. Socialliberalizmas. V., 1999.